

ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ ТРУДОМ, УДОВОЛЬСТВИЕМ И НАСИЛИЕМ: СЕКС-РАБОТА КАК ОСОБЫЙ ВИД НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Я.Н. Крупец, Н.А. Нартова

Статья представляет собой реконструкцию понимания собственного опыта женщинами, добровольно занимающимися секс-работой. На основании анализа глубинных интервью представлено понимание проституции как особого типа неформальной, но институционализированной занятости, специфика которой конституируется, прежде всего, вовлечением тела в экономический обмен, то есть его коммодификацией. Тело и сексуальные навыки, без дополнительных инвестиций конвертируемые в деньги, позволяют этому виду деятельности функционировать как быстрый, «легкий» и, соответственно, ресурсный вид оплачиваемой работы. При этом телесный режим производит и определяет подвижные границы данной занятости в рамках континуума пограничных телесных переживаний: удовольствия и насилия. Данные переживания, с одной стороны, изначально предполагают и включены в секс-работу, с другой – их интенсификация и выход за оговоренные условия будут переопределять ситуацию и выводить ее за рамки «работы» в пространство личных отношений и / или насилия.

Ключевые слова: секс-работа, проституция, неформальная занятость, телесный режим, коммодификация тела

«Гулявший» одно время по Интернету плакат, стилизованный под советский, с лозунгом: «Женщина! Хватит на заводе околачиваться – проституция и приятнее, и лучше оплачивается!», – был, что называется, лишь долей шутки. Другую смысловую часть слогана наполняют отсылки к основным дебатам вокруг проституции – об определении данного вида деятельности, обмене и эквивалентности, добровольности и принуждении. И хотя социологические, психологические, криминологические и другие

исследования женской проституции¹ проводились в России и за рубежом с начала XX века, более комплексный исследовательский и социальный интерес к секс-работе на Западе начал формироваться лишь 25 лет назад, не в последнюю очередь инициированный общественными беспокойствами по поводу СПИДа [Vanwesenbeeck, 2001]. В отечественном научном поле данная тема в публичном пространстве, начиная с 1930-х годов, поднимается преимущественно в рамках репрессивных дебатов, а в академической дискуссии является маргинальной и рассматривается в основном в рамках социологии девиации [Карпухин, Торбин, 1992; Голосенко, Голод, 1998; Меренков, Никитина, 2000; Алихаджиева, 2006], за исключением редких публикаций критического и либерального характера [Кон, 1997; Полякова, 2008; Романов, 2002; Антонова, Артемова, Мокин, 2005]. Феномен проституции концептуализируется многими отечественными учеными как «утрата нравственно-психологических ориентиров» [Алихаджаева, 2006] и «моральное и физическое самоуничтожение» [Меренков, Никитина, 2000]. Анна Яковлева так описывает состояние российских исследований секс-работы:

В отечественной социологической науке проституция определяется как форма девиантного поведения, как правило, женского. В рамках такого определения, субъектом девиации является женщина, которая продает сексуальные услуги, а мужчина-клиент фактически выпадает из данной концепции. Здесь, на наш взгляд, есть значительное несоответствие культурных оценок мужского и женского поведения в ситуации покупки-продажи сексуальных услуг. Кроме этого, под проституцией понимается здесь форма индивидуального девиантного поведения, т.е. проституция как явление рассматривается лишь как сумма индивидуальных поведенческих актов, что ограничивает ее анализ и регулирование как социально-политического феномена [Яковлева, 2002. С. 228].

В западной академической социологической дискуссии² можно выделить три ключевые линии дебатов, которые разворачиваются вокруг женской секс-работы и специфическим образом определяют, проблематизируют и производят представления и знания о проституции: (1) подход «свободного контракта»; (2) феминистский подход; (3) культурно-исторический подход.

Первый подход к проституции – это подход «свободного контракта» [Ericsson, 1980; Pheterson, 1989; Jaggar, 1991; McClintock, 1993; Agustin,

¹ В данной статье мы рассматриваем феномен женской проституции, не затрагивая проблем и вопросов мужской и детской проституции.

² Мы не рассматриваем в данной работе психологические и психоаналитические подходы и исследования проституции, которые преимущественно фокусируют свое внимание на индивидуальных особенностях личности, специфике социализации и мотивационной структуре индивидов (женщин), вовлекающихся в секс-бизнес.

2007]. Данная дискуссия рассматривает секс-работника как обыкновенного экономического агента (субъекта), который получает плату за предоставляемые услуги. В рамках этого подхода предполагается, что индивид свободно выбирает в качестве сферы своей деятельности секс-работу, а также то, что отношения между клиентом и работником строятся на добровольной основе. Таким образом, секс-услуги рассматриваются как свободное экономическое действие, совершаемое автономными свободными рациональными субъектами. Более того, рассматривая сферу экономического взаимодействия вообще как относительно автономную от государственного вмешательства и моральных дебатов в основе регулирования, такое понимание рассматриваемого явления защищает и независимость, и автономность сферы секс-услуг как сектора бизнеса. Главное в этом подходе – выведение проституции из теневой сферы и помещение ее в пространство трудового права и экономической деятельности.

Второй подход условно можно назвать феминистским подходом [Barry, 1979; Dworkin, 1987; Pateman, 1988; Shrage, 1989; MacKinnon, 1990; Overwall, 1992; Jeffries, 1997]. Истоки данного подхода лежат в женском движении, внимание которого направлено на анализ положения женщин в обществе. Исследуя социальный, культурный и экономический контекст современного государства, представители феминистского подхода заключают, что проституция является эффектом структурного неравенства, при котором проституция зачастую выступает единственной «трудовой» возможностью женщины. Объективация и сексуализация женщины приводит к тому, что сексуальность становится основным ресурсом женщины, а проституирование – квазилегитимной сферой деятельности. Более того, представления о нормативной сексуальности включают возможность сексуального насилия и сексуальной агрессии со стороны мужчин и подразумевают сексуальную пассивность со стороны женщин. Таким образом, в проституции происходит сексуальная объективизация женщины, которая целиком и полностью зависит от мужчины. Проституция в данном подходе проблематизируется как форма эксплуатации женщин.

Третий подход – культурно-исторический и сексуально-плюралистский [Foucault, 1978; Walkowitz, 1980; McClintock, 1992; Bell, 1994; Shrage, 1994; Zatz, 1997; Рубин, 2001; Kapur, 2001; Oerton, Phoenix, 2001; Scoular, 2004; Day, 2007]. В его рамках ставится вопрос о том, как и почему маргинализируется секс-работа. Исследуя процессы производства сексуальности и ее легитимных форм, исследователи указывают, что в процессе выделения и установления как нормы брачной гетеросексуальной сексуальности, другие виды и формы сексуальности были, так или иначе, патологизированы. В этом ракурсе проститутки предстают сексуальными диссидентами, расшатывающими представление о норме. Как и другие формы нелегитимной – диссидентской – сексуальности (например, транс-

сексуальности, гомосексуальности) проституция была маргинализована в рамках общества посредством различных дискурсов и институтов. Основной акцент в данном подходе делается на культурном статусе проституции (секс-работы), на исторических процессах формирования маргинальности проституции.

Каждый из упомянутых выше подходов имеет свои преимущества и ограничения, в том числе и связанные с критикой социальных эффектов политики, проводимой в рамках определенного подхода. Однако мы считаем, что важным ограничением, в итоге ведущим порой к полной противоположности мнений и непримиримости дискуссий, является то, что каждый подход проблематизирует только один «полюс» в диаде «секс-работа». В рамках подхода свободного контракта в термине «секс-работа» акцент делается на втором слове – «работа». Проститутки рассматриваются как свободные экономические агенты, занимающиеся трудовой деятельностью и оказывающие услуги за определенную плату. В рамках этой перспективы секс-работу пытаются представить как такую же трудовую занятость, как и любая другая. А в феминистском и культурно-историческом подходах актуализируют деятельность (секс), к которой женщина структурно принуждается либо через которую проблематизируется и маргинализируется. На наш взгляд, исключение любого аспекта («секс» или «работа») из рассмотрения приводит к ограничению понимания специфики данного вида занятости, его возможностей, ресурсов и границ. Именно сочетание «секса» и «работы» создает особую конфигурацию рассматриваемого понятия, задает подвижность границ в данном типе взаимодействий.

В этой статье мы попытаемся реконструировать понимание своего опыта теми женщинами, которые добровольно занимаются секс-работой, и увидим то, что проституция предстает как сфера занятости с подвижными границами. Конституирование «работы» определяется через легитимную эквивалентность обмена секса на деньги и располагается на континууме особых режимов телесности. Вначале мы остановимся на том, как женщинами производятся значения проституции как работы, а также выделим специфические черты, сопряженные с телесным (сексуальным) вовлечением, или телесным воплощением данной работы, отличающим данный тип занятости от других. Затем проанализируем то, как проституция в значении работы помещается в рамках континуума пограничных телесных переживаний.

Эмпирическую базу исследования составили материалы проекта «Условия и возможности для обеспечения профессиональной безопасности работников секс-бизнеса Санкт-Петербурга», проведенного Центром независимых социологических исследований в 2005 году при поддержке фонда «Институт Открытое общество». В рамках проекта были собраны 15 интервью и бесед с молодыми женщинами, занимающимися секс-

работой, в том числе четыре глубинных биографических интервью, которые и стали основным материалом анализа для данной статьи. Важно отметить, что информантки были вовлечены в условно «низовой» и «средний» уровень секс-бизнеса: в «уличную проституцию», «индивидуальную секс-работу на дому» и так называемые «конторы». Специфику нашего эмпирического исследования и аналитических выводов задает тот факт, что интервьюированные женщины добровольно¹ стали заниматься секс-бизнесом. Мы не рассматриваем ситуации насильственного вовлечения, принуждения и трафика (международной сексуальной работоторговли). В силу этого, а также следуя феминистской эпистемологической традиции, мы не претендуем на универсальные объяснительные модели, но лишь реконструируем определенный тип опыта и предлагаем возможные интерпретации.

Проституция – это работа

Возможность рассматривать оказание сексуальных услуг за деньги как профессиональную занятость² появляется не на основе предзаданной теоретической или моральной позиции исследователей, а благодаря нескольким «основаниям», представленным в нарративах: идентификации женщинами их деятельности как «работы»; формированию «рабочего» языка; описанию, а значит, конституированию базовых для трудовой деятельности элементов – условий труда, рабочего графика, профессиональных правил и компетенций.

В интервью оказание сексуальных услуг за деньги определяется как «работа» информантками и такими вовлеченными окружающими, как клиенты, сутенеры, работники саун, сотрудники правоохранительных органов:

Когда мы сами на себя работали – мы с сестрой, ну и как бы еще девчонки с нами работали. Да, мы попадали. Но нас просто подставили. Знакомый подставил нас. Когда нас забрали в милицию, я просто поговорила в милиции и сказала. Они сказали: «Если вы работаете...» А я говорю: «А как? Если мы вдвоем – говорю, – работаем» <...> Он говорит: «Вы, если вместе снимаете квартиру – ради бога! Вы не сутенерши, просто зарабатываете. Ну, штраф там сто рублей заплатите, и все» (31 год, стаж около шести лет, с 25 лет).

Более того, проституция конституируется как поле профессиональной занятости через описание таких «традиционных» рабочих характеристик

¹ Мы говорим о «добровольности» в рамках индивидуальных биографий, а не структурных условий.

² Мы рассматриваем категории «работа» и «занятость» как синонимы [Большой социологический словарь, 1999. Т. 2. С. 273; Мраморнова, Ярская-Смирнова, 2002. С. 93]

тик, как условия труда: «нормальная квартира, не гадюшник...»; «все красиво, квартира двухкомнатная, небольшая, но уютная. Первый этаж, чтоб удобно»; рабочий график: «Мне график этот очень подходил... все время прием на дому, что никуда не выезжать»; «а такой жесткий график что-то мне особо не нравился»; требования к работе: «Конечно, едешь всегда намытая-набрютая туда. Вот, на маникюре, на педикюре»; профессиональные навыки: «Тебе заплатили деньги, ты за час должна там сколько, выложиться от и до. Нравится, не нравится. <...> Там уже не скажешь: я этого не хочу, этого не буду».

Несмотря на то, что здесь не существует «университетов», женщины, включаясь в работу, достаточно быстро осваивают новые компетенции, правила относительно стабильной структуры, то есть, другими словами, профессионализируются в ней: «И просто начинаешь уже с навыком, ну как бы вот со временем все начинаешь» (31 год, стаж около 6 лет, с 25 лет).

При этом данной работе оказываются присущи «кадровая» текучесть, слабая идентификация с конкретным рабочим местом, отсутствие «карьерных устремлений», страха потерять работу:

В: А вы, вообще, во многих, во многих конторах работали?

О: Да нет, я даже. <...> Не могу сказать, думаю, около шести <...> Ну вот что интересно, я сама искала, сама искала, меня никто никуда не переправлял, я и возвращалась обратно, и опять уходила, то есть кочевала (28 лет, стаж около десяти лет, с 18 лет).

Женщины рассказывают о доступной им структуре секс-бизнеса в целом, его организации, правилах ведения, «крышах». Наши информантки описывали работу на улице, в «конторах», работу по объявлению, организацию работы коммутатора. Они описывали правила организации выезда или приема «на месте», правила финансовых расчетов и обеспечения безопасности. Опираясь на эти свидетельства и на материал, оставшийся за рамками данной статьи, мы еще раз убеждаемся в том, что секс-бизнес представляет собой относительно жестко структурированное пространство занятости, обладает воспроизводимыми правилами и практиками, то есть выступает социальным институтом [См., например: Муравьева, 2005].

Такая концептуализация¹ проституции как «работы» – повседневная (информантами) и академическая – сближает ее с другими видами занятости на постсоветском пространстве. Что в свою очередь дает основания для «нормализации» данного вида деятельности в рамках индивидуаль-

¹ См., например, анализ структуры коммерческого секса в Кыргызстане [Курманова, Башмакова, Бутенко, 2000] и исследование опыта секс-работниц из бывшего СССР в странах Европы [Полякова, 2008].

ных биографий и определенных социальных пространств. Вместе с тем сам предмет взаимодействия, разговора (сексуальные услуги, секс) задает специфическую конфигурацию ситуации, контекстов, практик, отличающую этот вид занятости от других.

Специфичность работы: коммерциализация тела

Секс-работа является особым видом деятельности не только в силу ее правовой нелегитимности или конвенционального публичного морального неодобрения, но и непосредственно в силу специфики «труда». На наш взгляд, можно реконструировать несколько важных направлений, по которым секс-работа формируется в особый тип занятости. Во-первых, секс-работа определяется через предложение сексуальных услуг на деньги: *«Ну, сплю я за деньги, ну, а что я должна, за бутылку водки что ли? <...> Но не так, чтобы с каждым там встречным за бутылку водки»* (31 год, стаж около шести лет с 25 лет).

При этом другие типы отношений (романтические, дружеские, любовные) из поля работы исключаются. При наличии же постоянного партнера, взаимодействия в контексте проституирования не квалифицируются женщинами как «измена»: *«Вот <...> если у меня даже бывал момент, когда появлялся молодой человек, например, вот так вот чтобы, я вообще не, не чтобы, изменить ему не могла. Ну, это как бы цель, это как бы работа»* (21 год, стаж около трех лет, с 15 до 18 лет).

Во-вторых, секс-работу характеризует отсутствие необходимости первичных инвестиций в профессию, использование навыков, которые «уже есть», что маркирует обмен секса на деньги как «легкую» работу, «легкие», «халявные» деньги. При этом секс-работа является делом, которое можно «начать» в любой момент, потому что все, что для этого нужно – тело и сексуальные навыки – всегда при тебе:

Тут она мне говорит: «Ну вот, Наташа, надо работать, деньги зарабатывать на квартиру». Я ей говорю: «Лена, а дальше что?» А она: «Ну, дальше будет все нормально». Я говорю: «Ну, давай». Ну как бы с первого дня, вот когда мы приехали туда... Приехали ребята... Ну тогда еще были сутенеры там эти все, остальные. Приехали сутенеры, нас забрали, поехали куда-то под Пушкин, что ли. Я уже не помню. Ну там в гостиницу... Ну чего? Все нормально, нам заплатили... (31 год, стаж около шести лет, с 25 лет).

В-третьих, организация секс-индустрии в данном сегменте предполагает быстрые деньги, что в свою очередь является преимуществом для женщин, вовлеченных в секс-бизнес, потому что, даже имея другую занятость, при срочной необходимости получить деньги, можно пойти и быстро «заработать». В этом проявляется «заманчивость» такой деятельности, ее дополнительный ресурс:

Я так постоянно работала там, не знаю, наверное, полгода, потом я, можно сказать, там отдыхала, уезжала в свой город там к родственникам, там работала просто продавцом. Потом опять деньги кончились, опять я приезжала. <...> Но что интересно, вот плохая сторона – это что к этим деньгам привыкаешь, вот к этим быстро зарабатываемым деньгам (28 лет, стаж около десяти лет, с 18 лет).

Таким образом, секс-работа формируется через обмен сексуальных навыков на деньги. При этом легкость конвертирования имеющихся навыков в «профессиональную» деятельность с получением заработка можно описать как коммерциализацию повседневных частных навыков. А это значит, что конституирующим элементом секс-работы становится тело, которое всегда есть и которое всегда можно быстро обменять на деньги. Таким образом, секс-работа становится «воплощенной» (от слова плоть, тело) работой.

Соответственно, границы данной работы будут сопряжены с телом и будут определяться режимом эквивалентного обмена телесной работы на деньги. На основании коммерциализированного тела выстраивается телесный режим, в рамках которого сексуальные взаимодействия номинируются как работа, за рамками которого эти типы отношений будут переопределяться во что-то другое. При этом, опираясь на анализ биографических нарративов секс-работниц, можно реконструировать и выделить два доминирующих элемента, два полюса телесного режима, которые, с одной стороны, являются структурными элементами для данной занятости, с другой – определяют ее границы. Эти полюсы – удовольствие и насилие.

Телесный режим секс-работы: континуум между удовольствием и насилием

Вероятно, в самом общем смысле можно говорить о том, что удовольствие и боль являются онтологическими полюсами человеческого существования. Но в данном контексте мы говорим о физических, витальных, телесных феноменах удовольствия и насилия, которые, несмотря на всю их «базисность», вовсе не являются обязательными элементами трудовой деятельности людей. И именно телесный характер секс-работы одновременно и формирует данный континуум и располагает проституцию внутри него, задавая ее границы как «работы» и «не работы».

Начнем с обсуждения полюса «удовольствие». Финская исследовательница Анна Контула говорит о том, что основные типы дебатов о секс-работе формируются вокруг мифа о том, что частный секс женщине приятен, в то время как коммерческий – нет [Kontula, 2008. P. 609].

В своем исследовании финского секс-бизнеса она показывает то, что существует множество разнообразных видов удовольствия (телесных, эмоциональных), которые испытывают женщины-проститутки [Kontula, 2008]. Анализ нашего эмпирического материала также показывает, что сексуальное, телесное удовольствие является структурным элементом данной занятости, одним из «условий» нахождения в профессии, и определенная степень удовольствия ожидается от взаимодействия в рамках данной занятости:

Ну, во-первых, понимаешь, во-первых, я очень люблю заниматься сексом, поэтому я этим и занимаюсь. Если бы я не любила бы, мне бы даже. Знаешь, когда человек не любит, мне кажется, его даже и деньги никогда не привлекут. Мне не особо то, что эти деньги. Понимаешь, я нормально работала, я могу и так заработать деньги. Ну, просто вот сейчас да, конечно. Грубо говоря, это халявные деньги. Ну, еще факт тот, что просто я люблю заниматься сексом. Очень, понимаешь? (31 год, стаж около шести лет с 25 лет).

Наличие удовольствия от инвестиций телесных навыков отличает данный вид занятости от другого «тяжелого» физического труда или труда, сопряженного с использованием имеющихся навыков, например, в работе домработницей, сиделкой или уборщицей. Однако при интенсификации удовольствия от состоявшегося или предполагаемого взаимодействия может происходить переопределение изначальных договоренностей: оказание больших услуг за ту же плату, уменьшение платы, отказ от получения денег. При этом данные переопределения будут описываться через личные симпатии и отношения:

Нам такие парни понравились. И значит, два парня сидят очень похожи – братья как будто. Там бильярдный столик один. И почему-то ко мне все: «Ну, сколько?» Я, говорю, бесплатно, говорю. Просто пришли с вами посидеть. Он говорит: «Так не бывает. Так не бывает». Я говорю: «Ну почему не бывает?» Я говорю: «Бывает» (28 лет, стаж около десяти лет, с 18 лет).

Иными словами обмен секса на деньги может переопределяться в качестве «дара» и переводиться в пространство личных отношений, не связанных с коммерческим обменом. В контексте удовольствия деньги могут отойти на второй план, и сексуальное взаимодействие выйдет за рамки работы.

Таким образом, телесное удовольствие является границей функционирования проституирования как работы: с одной стороны, определенная доля удовольствия предполагается и включена в работу, с другой – интенсификация удовольствия может способствовать переопределению ситуации и выведению данного конкретного взаимодействия из рыночных отношений в пространство «бескорыстных» интимных отношений.

Противоположным полюсом в телесном режиме секс-работы является насилие. Оно также структурно включено в рассматриваемый тип деятельности, представляя собой профессиональный риск. Как и в случае с удовольствием, риск в секс-работе представляют собой континуум, где для различных типов занятости, для различных пространств (улица, дом, телефонные услуги) актуальны те или иные опасности и проблемы [Sanders, 2004]. Поэтому изначально есть правила и техники, которые позволяют минимизировать, потенциально контролировать возможные риски:

Нет, хозяин приезжает на квартиру, он ее обсматривает. Сколько народу, сколько сказали по вызову там. <...> Вот. Приезжали туда на квартиру, он зайдет сам, мы еще в машине сидим или я. Зайдет в квартиру, посмотрит, как там в ванне, в туалете все. Ну а как предугадаешь? Он уехал там, пришли люди, позвонили в квартиру, их пустили. Даже было такое (21 год, стаж около трех лет, с 15 до 18 лет).

Вместе с тем определенные формы насилия изначально могут быть оговорены и включены в секс-услуги, то есть существуют формы допустимого насилия в сексуальном взаимодействии. Такие виды насилия предполагают добровольность, договоренность, относительную безопасность и эквивалентность оплаты. Именно допустимость добровольного насилия отличает секс-работу от других видов профессиональной деятельности, сопряженных с витальными рисками:

Ну как, по телефону сразу заказывает, что, что человек хочет. На время, если он хочет садомазо, – пожалуйста! Есть у нас девочка такая-то и такая-то. То, на чем работает. Да, это же все по телефону оговаривается, что человек хочет. Если он просто хочет там массаж-интим, – пожалуйста. Если он хочет анальный, вот, есть тоже, другие (31 год, стаж около шести лет, с 25 лет).

Таким образом, работа по минимизации непредвиденных рисков телесного насилия, возможность оговоренного допустимого телесного сексуального насилия является важной составляющей данного типа занятости, отличающего его от других видов занятости.

Однако насилие, как и удовольствие, выступает элементом, который, с одной стороны, включен в деятельность, с другой – будет определять границы сексуального взаимодействия как пространства работы. Превышение допустимого уровня оговоренной заранее агрессии или неожиданная, непредвиденная агрессия переопределяют ситуации секс-работы с «работы» на насилие, речь идет об угрозах изнасилования. Взаимодействие перестает функционировать как ситуация обмена, деньги перестают быть эквивалентом (даже когда говорят, что заплатят больше), ситуация становится экстремальной ситуацией выживания:

Ну, конечно, были и варианты, конечно, такие, там ужасные. С которыми приходилось либо, блин, я не знаю, как, выбалтывать, либо прыгать

с пятого этажа, либо... Либо прыгать с пятого этажа, либо там вообще каюк (28 лет, стаж около десяти лет, с 18 лет).

Таким образом, телесная безопасность и телесное насилие становятся границей, определяющей эквивалентность обмена секса на деньги, и превышение допустимого уровня насилия переопределяет занятие проституцией как «не работу».

* * *

Анализ нашего эмпирического материала, а именно исследование «низового» и «среднего» (уличная проституция, индивидуальные секс-услуги на дому и в так называемых «конторах») уровней секс-бизнеса в Санкт-Петербурге, показал, что проституция представляет собой работу, особый тип неформальной занятости, который при отсутствии легальной формализованности является структурированным пространством трудовой деятельности. Данная индустрия конституируется через тарифицированный обмен сексуальных телесных навыков за деньги, что отличает секс-работу от других типов обмена сексуальных услуг на что-либо иное (еду, должность, вещи, статус, информацию).

Конституирующим элементом секс-работы является тело, которое (на данном уровне бизнеса) без дополнительных инвестиций может быть конвертировано в заработок. Коммерциализация тела, включая коммодификацию повседневных приватных интимных навыков, позволяет секс-работе функционировать как быстрый, «легкий» и, соответственно, ресурсный вид деятельности / получения денег. Речь идет о телесной работе, что задает ее отличия и специфичность от других видов профессиональной деятельности. И именно телесный режим производит и определяет ее границы, отличая работу от других типов взаимодействия.

При этом границы не установлены однозначно, а лишь намечены. Подвижность границ «работы» и «не работы» в сексуальном взаимодействии, возможность ситуативных переопределений связана как с неформальным характером данной занятости (в котором нет трудовых договоров, трудовых обязательств, формализованного режима, и наличие работы определяется ситуативно), так и с телесным характером (телесным режимом) работы. Именно телесные эффекты / аффекты – полюса «удовольствие – насилие» – будут определять допустимость и эквивалентность обмена сексуальных навыков на деньги, таким образом, позволяя определять и переопределять данную ситуацию как работу, личные отношения или насилие / изнасилование.

Включение в анализ феномена проституции категории телесных режимов, структурирующих взаимодействие и воспроизводящих социальные иерархии, способствует осмыслению секс-работы в более

широком контексте современного социального порядка, основанного на биополитике тел, с их принуждением и регламентацией. Более того, такой подход дает возможность переопределять круг проблем и вопросов в рамках социальной политики государства: с дискуссии о «моральном разложении» общества на решение проблем и запросов «воплощенных» людей.

Список литературы

Алихаджиева И. Общественное мнение о проституции и мерах по ее предупреждению // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 82–86.

Антонова Е., Артемова И., Мокин К. Секс-индустрия или повод не задумываться о нравственности // Антропология профессий: Сб. науч. статей / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2005. С. 184–198.

Голосенко И., Голод С. Социологические исследования проституции в России: История и современное состояние вопроса. СПб.: Петрополис, 1998.

Карпунин Ю., Торбин Ю. Проституция: закон и реальность // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 111–117.

Курманова Г., Башмакова Е., Бутенко Е. Работники коммерческого секса // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 51–59.

Кон И. С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

Меренков А., Никитина М. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 47–51.

Мраморнова О., Ярославская-Смирнова Е. Женская занятость // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. Денисовой / РОО «Восток-Запад: Женские инновационные проекты». М.: Информация – XXI век, 2002.

Муравьева М. Государственное признание проституции в предреволюционном Петербурге // Нужда и порядок. История социальной работы в России, XX в. / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2005. С. 158–203.

Полякова И. Жизнь, деньги и любовь: постсоветские проститутки и их сутенеры в процессе транснациональной проституции // Гендерные исследования. 2008. № 17. С. 121–134.

Романов П. В. Секс-работа // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002 // <http://www.owl.ru/gender/150.htm>.

Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

Социология труда // Большой социологический словарь. Т. 2 / Под ред. Д. Джерри, Д. Джерри. М.: Вече: АСТ, 1999.

- Яковлева А.* Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. 2002. № 7–8. С. 226–245.
- Agustin L.* Sex at the Margins: Migration, Labour Markets and the Rescue Industry. L.: Zed Books, 2007.
- Barry K.* Female Sexual Slavery. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1979.
- Bell S.* Reading, Writing, and Rewriting the Prostitute Body. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- Day S.* On the Game: Women and Sex Work. L.: Pluto Press, 2007.
- Dworkin A.* Intercourse. N. Y.: Free Press, 1987.
- Ericsson L.* The Charges against Prostitution: An Attempt at a Philosophical Assessment // Ethics. 1980. Vol. 90. April. P. 335–366.
- Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1. N. Y.: Random House, 1978.
- Jaggard A.* Prostitution // The Philosophy of Sex: Contemporary Readings / Ed. by A. Soble, 2d. Savage, Maryland: Rowman & Littlefield, 1991.
- Jeffries S.* The Idea of Prostitution. Melbourne: Spinifex Press, 1997.
- Kapur R.* Post-Colonial Economies of Desire: Legal Representations of the Sexual Subaltern // Denver University Law Review. 2001. Vol. 78. № 4. P. 855–885.
- Kontula A.* The Sex Worker and Her Pleasure // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 4. Monograph 2. P. 605–620.
- MacKinnon C.* Confronting the Liberal Lies about Prostitution // The Sexual Liberals and the Attack on Feminism / Ed. by D. Leidholdt and J. Raymond. N. Y.: Elsevier Science, 1990.
- McClintock A.* Screwing the System: Sexwork, Race and the Law // Boundary. 1992. Vol. 19. № 2. P. 70–95.
- McClintock A.* Sex Workers and Sex Work: Introduction // Social Text. № 37. A Special Section Explores the Sex Trade / Ed. by A. McClintock. Duke University, 1993.
- Oerton S. and Phoenix J.* Sex/Bodywork: Discourses and Practices // Sexualities. 2001. Vol. 4. № 4. P. 387–412.
- Overall C.* What's wrong with Prostitution? Evaluating Sex Work // Signs. 1992. Vol. 17. № 4. P. 705–724.
- Pheterson G.* A Vindication of the Rights of Whores. Seattle, WA: Seal Press, 1989.
- Sanders T.* A Continuum of Risk? The Management of Health, Physical and Emotional Risks by Female Sex Workers // Sociology of Health & Illness. 2004. Vol. 26. № 5. P. 557–574.
- Scoular J.* The 'Subject' of Prostitution. Interpreting the Discursive, Symbolic and Material Position of Sex/Work in Feminist Theory // Feminist Theory. 2004. Vol. 5. P. 343–355.
- Shrage L.* Should Feminists Oppose Prostitution? // Ethics. 1989. Vol. 99. № 2. P. 347–361.

Vanwesenbeeck I. Another Decade of Social Scientific Work on Sex Work: A Review of Research 1990–2000 // *Annual Review of Sex Research*. 2001. Vol. 12. P. 242–289.

Walkowitz J. Prostitution and Victorian Society: Women, Class and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Zatz N. D. Sex Work/Sex Act: Law, Labor, and Desire in Constructions of Prostitution // *Signs*. 1997. Vol. 22. № 21. P. 277–308.

Яна Николаевна Крупец

канд. социол. наук, доцент кафедры методологии социологических
и маркетинговых исследований Самарского государственного университета
электронная почта: krupets@gmail.com

Надежда Андреевна Нартова

соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге,
научный сотрудник Центра независимых социологических исследований
и Центра молодежных исследований СПб ФГУ ВШЭ,
преподаватель программы «Искусства и гуманитарные науки» СПбГУ
электронная почта: n.nartova@gmail.com
